

ДМИТРИЙ ИГУМНОВ

УЛИЦА РОДНАЯ

РАССКАЗ

Улица моего детства, улица моя родная, раньше не казалась ты мне такой маленькой. Может, эти новые дома — бетонные махины — безжалостно заузили твоё жизненное пространство? И видишься ты мне сегодня почти одинаковой, что в длину, что в высоту...

Тихий и очень скромный жизненный уклад первых послевоенных лет был неожиданно взбудоражен объявлением амнистии. Хотя эту амнистию и нельзя было назвать всеобщей, но все же являлась она широкомасштабной и касалась большинства осуждённых по уголовным статьям. В результате за сравнительно небольшой промежуток времени улица наша, которую в народе почему-то часто называли слободкой, наполнилась ранее явно недостающим мужским населением. Трудно было определить по внешнему виду, кого из амнистированных больше: взрослых мужчин или молодых ещё ребят? Выглядели они, особенно в первое время, какими-то заскорузлыми, затаенно агрессивными.

Последовавшие за этим изменения в жизни улицы воспринимались жителями и с определённым интересом, и с некоторыми опасениями. Тем не менее каких-то заметных неприятностей, как мне помнится, тогда не случилось. Небольшие словесные разборки, а иногда и потасовки, которые и драками-то назвать нельзя, — вот и все. Даже поножовщины не случилось ни разу. О грабежах, кражах — и говорить чудно. Воровать у простого народа тех лет было просто нечего.

ИГУМНОВ Дмитрий Васильевич родился в Москве в 1937 году. Служил на Балтийском флоте. Окончил Всесоюзный заочный энергетический институт. В настоящее время преподаватель Московского института радиотехники, электроники и автоматики. Автор книги прозы "Рыжий". Живёт в Москве.

Перейти, однако, к честной трудовой жизни было крайне сложно. Для людей, познавших жизнь иную, рискованную и расцветенную пусть и ложными, но яркими красками, это часто оказывалось просто невозможным. Поздними вечерами группки бывших заключенных уходили на свой криминальный промысел. Куда уходили? Наверное, всегда и везде можно обнаружить спрятанное богатство, пусть и относительное. Особенно, если оно втихую “нажито” на народном горе.

Среди этой уголовной братии выделялся один, еще совсем молодой парень, которого звали Жорой Манайцем. Почему Манайцем? Что это, фамилия такая или прозвище? — не знаю, ничего путного по этому поводу сказать не могу. Звали так, и все. Был у Жоры младший брат, тоже амнистированный, и тоже Манаец. Даже дом, в котором они жили, называли в нашей слободке домом Манайцев.

Вход в их дом проходил через широкое крыльцо, похожее на веранду, выходящую прямо на тротуар, причем как раз посередине нашей улицы. На этом крыльце часто, почти ежедневно, Жора устраивал своеобразный концерт блатной песни.

В предвечернее время, еще до заката солнца, он вальяжно усаживался на ступеньках крыльца, непременно с гитарой, и после вступительного бряцания по струнам начинались горестные повествования о тяжелой жизни невинно осужденных. Одним из первых обычно звучал душеспитательный рассказ о судьбе молоденького вора:

*Хоть и рódная мама любила меня,
Но судьба мне ни к черту досталась.*

По одну сторону крыльца непременно грудились мои ровесники — мальчишки, которых Манайцы, да и все прочие новые обитатели слободки, называли шпаной. Существовало даже некое деление на мою и не мою шпану, то есть у каждого уважающего себя урки обязательно должно было быть некое окружение из “малолеток”.

С другой стороны крыльца отводилось место для женщин, которые, заслышав гитарные переборы, тоже шли послушать Жорины песни-баллады. Подходили они тихонечко, перекидываясь друг с другом короткими фразами. Постепенно подтягивались и дружки Манайцев, иногда тоже с гитарами. Словом, собирался народ.

При полном комплекте исполнителей звуки гитарных струн всецело завораживали публику, а проникновенные жалостливые тексты песен гипнотизировали и уводили в иной мир, такой романтичный, но и такой же несправедливый, как истинное бытие... Блатная поэзия боготворила несчастных матерей и, как правило, осуждала беспринципных отцов.

*О мама, милая мама,
Зачем ты так рано ушла?
Зачем ты оставила сына,
Отца-подлеца мне нашла?*

Особенно доставалось прокурорам. В одной из любимых песен Жоры рассказывалось о жестоком прокуроре, заставившем суд приговорить к расстрелу молодого парня, конечно, совершенно невинного. И уже после того, как приговор был приведен в исполнение, злодей вдруг узнает, что это был его родной сын:

*Солнце слегка озарило
Старый кладбищенский двор,
А над сырою могилой
Плакал отец-прокурор.*

Ребятня слушала с затаенным дыханием. Некоторые женщины плакали. Голос у Жоры, можно сказать, почти отсутствовал. Не голос, а так —

какое-то сипение. Впрочем, похожее звучание издавали и многократно простуженные сибирскими морозами носоглотки большинства его товарищей. Однако сипел Жора вдохновенно, с трагическим придыханием, под прекрасный, многоголосый аккомпанемент двух-трех гитар.

*Чтоб красивых любить,
Надо деньги иметь.
Я над этим задумался крепко,
И тогда вот решил
День и ночь воровать,
Чтобы быть поприличней одетым.*

Конечно, особой популярностью пользовались песни про любовь.

Сама фартовая и с черными глазами...

Была эта любовь особая, такая искренняя, которая может родиться только в бластной душе. А уж про нежность и последующие несчастья, что и говорить...

*Тогда, тогда со мной уж не споешься,
Убью тебя, а там уж все равно.*

Женская неверность разрывала на части любящее сердце урки:

*Мне сказали, что ты был в побеге убит,
А одна я недолго скучала.*

Но встречались и другие подруги:

*Помнишь, Мишенька, как в детском доме
Называли нас брат и сестра.*

Большинство женщин плакали молча, но некоторые уже начинали тихо-нечко подвывать. В Жориных песнях было много наивности, даже примитивности и несурзности, но их переполняла невероятная тоска по справедливости, такая вековая тоска, укоренившаяся в любой русской душе.

Постепенно репертуар подходил к самой животрепещущей теме — к теме войны, но непременно с приклатненной окраской.

*Вот команда слышна, но какое мне дело.
Это в бой провожают усталых солдат.
Журавли улетели, журавли улетели,
Только я с перебитым крылом виноват.*

Души несчастных вдов начинали трепетать. Им, похоже, уже грезились свои Вани, Васи, Пети, навсегда ушедшие в журавлиные стаи.

Порой перепростуженное горло Жоры Манайца сдавливала боль за его несчастных героев. Он замолкал, но гитарные переборы не прекращались, не давая слушателям хоть на время уйти из его противоречивого мира. Небольшая пауза кончалась, и Жора вновь начинает повествование о новой трагической судьбе. О том, что не дождалась девчонка своего парня с войны — вышла замуж за другого, паскуду-тыловика. А парень этот — летчик-истребитель, пошел на таран с фашистским асом и погиб. Но в дальнейшем выяснилось, что она ни в чем не виновата, что ее оклеветали завистницы-подруги. Она все время ждала и теперь ждет его возвращения с фронта. Однако все, уже поздно:

*И часто, часто над той могилой
Стоит девчонка...*

Здесь уже все женщины плакали, а некоторые навзрыд. Сгрудившись плотней, они не хотели оставаться в одиночестве со своим горем и все еще как-то пытались успокоить и себя, и других таких же горемычных вдов:

— Ну что поделаешь, Марусенька? Вот и мой Вася тоже...

Нечего и говорить, какой большой популярностью и любовью всей улицы пользовались выступления Жоры Манайца. Но сумерки сгущались, концерт заканчивался — пора было идти “на дело”...

Одним ранним утром, еще в предрассветных сумерках, наша улица пробудилась от громко прозвучавших выстрелов: и одиночных, и даже очередей. Несмотря на запреты матерей и бабушек, все же некоторым отчаянным представителям уличной шпаны удалось вырваться из своих домов. Перед ними открылось зрелище, о котором потом в течение многих и многих дней говорила вся улица. Милиция организовала захват бандитской группировки, в которой одну из ведущих ролей играли братья Манайцы.

Окружив их дом, где ночью процветала воровская “малина”, и заблокировав все выходы из него, милиция предложила находившимся в доме сдать-ся. Однако в ответ прозвучали выстрелы. Оперативникам это сразу упростило задачу: ответным ураганным огнем очаг сопротивления был быстро подавлен.

Многие видели, как потом два дюжих милиционера, взяв трупы за руки и за ноги, закидывали их в открытый кузов автомашины. О количестве убитых впоследствии еще долго шли споры. Но главный спор был о том, погиб или нет Жора Манаец? Одни утверждали, что собственными глазами видели, как его бездыханное тело бросили в кузов “труповозки”. Однако другая, немалая часть свидетелей, была уверена, что нет. Они якобы тоже сами видели, как скрюченного, в наручниках Манайца менты заталкивали в “воронок”. Стало быть, он остался жив. Как бы то ни было, но ни Жора, ни его друзья-подельники уже больше никогда не появились на нашей улице.

Факт остается фактом: многие из амнистированных вновь вернулись в места заключения, а другие и вовсе ушли в мир иной.

...Нет, никогда не надо возвращаться в места своего детства, на улицу свою родную. Быстротекущая жизнь не просто изменяет, а скорее уничтожает то прошлое, что со времени наивного возраста непонятной отрадой еще осталось во взрослом человеке. Увиденная через много лет реальность отнимает и то малое, что хочется пронести через всю жизнь, что согревает душу человеческую и в средние года, и особенно — в старости.

И вот получается, как когда-то пел Жора Манаец:

*Пришел домой голодный и усталый,
А дома нет — одни лишь угольки...*

Только не угольки, а огромные бетонные коробки.

ПОЛИЦАЙ

РАССКАЗ

Среди бескрайней сибирской тайги в клубе засыпанного снегом рабочего поселка звучали чарующие мелодии венских вальсов. Танцевальных пар было немного, так что относительно большая комната, превращенная в танц-зал, не испытывала перегрузки. По краям комнаты стояли и сидели в большинстве своем молодые девушки, приехавшие в Сибирь из разных городов по комсомольским путевкам. Они бы тоже с удовольствием вальсировали, но

острая нехватка партнеров не позволяла осуществить желание. Впрочем, потенциальных кавалеров в поселке было не просто достаточно, а сверхточно. Мужское население поселка составляло явное большинство, но оно, за редким исключением, танцы как отдых попросту не воспринимало...

Одна танцующая пара особенно выделялась среди других. Молоденькая приезжая горожанка задорно кружилась, подчиняясь уверенным движениям обаятельного джентльмена средних лет. Весь вид партнера указывал на его нездешнее происхождение, причем по меркам не только сибирского поселения, но и всей России. Изысканность танцевальных телодвижений и периодические наклоны гордо посаженной головы выдавали в нем нечто иноземное и даже аристократическое.

— Мое имя Вертерас, — нарочито четко, с легким акцентом представился галантный кавалер. — Вам нравится Штраус?

— Да.

— А Гёте?

— Не очень.

— Это плохо. А как зовут ту, которая не любит Гёте?

— Лена! Но я не сказала, что он мне совсем не нравится.

Пара не распалась ни в следующем танце, ни в течение всего вечера. Голова у Лены слегка кружилась от танцевальных вращений, а притяжение Вертераса приятно взвихряло чувства. “Почему он спросил меня про Гёте?” — этот вопрос выводил Лену из нарастающего праздничного настроения, и она, наконец, решила внести ясность:

— Почему вы спрашиваете меня о Гёте?

Вертерас загадочно улыбнулся и тихонечко что-то пропел на непонятном языке.

— ?

— Прошу прощения. Я процитировал из “Страданий молодого Вертера”: “Не буди меня, дыхание весны”. Меня и назвали в честь него.

— Похоже, но вы же Вертерас, а не Вертер. Или я чего-то не понимаю?

— У нас, литовцев, принято слова мужского рода заканчивать буквой эс. Только и всего. — Он церемониально склонил голову. — Так что Вертерас и Вертер это одно и то же.

— А как будет мое имя по-литовски?

— Так и будет, Лена. Хорошее имя.

— Вам нравится?

— Нравится. Конечно.

...Ту девочку-радистку тоже звали Леной, а вот его тогда звали по-другому. Он, один из руководителей литовской жандармерии Венцис Винкантиас, был срочно вызван в местное отделение гестапо для помощи в проведении допроса захваченной немцами советской парашютистки. Фашистские органы дознания и раньше частенько привлекали его к работе в качестве консультанта-переводчика.

Венцис не только не любил, а просто презирал методы допросов, практикуемые его хозяевами. Да и вообще, его отношение к немцам менялось... Воспитанный на западных ценностях, он радостно приветствовал отступление советских войск с территории Литвы, считая именно немцев истинными освободителями своей родины. Он сознательно начал служить новому режиму и уверенной поступью поднимался по служебной лестнице. Однако, оценивая методы работы фашистской администрации, частью которой он теперь являлся, Венцис все больше чувствовал неприятие их изуверских методов поддержания оккупационных порядков. Хотя внутри литовского полиция и бурлила порой своя особая жизнь, он считался верным союзником и исполнителем карательных акций фашистского режима.

Немцы, зная преданность и четкость Венциса, доверяли ему участвовать в особо важных операциях. Вот и в ходе допроса советской радистки он искренне пытался получить от нее нужную информацию, пытался изо всех сил. Литовский полицейский был уверен, что если бы допрос проводил он, только он, то положительный результат обязательно был бы достигнут. Но до его при-

езда с пленной девочкой уже “поработали” гестаповские мясники, и теперь трудно было рассчитывать на успех. Вендис хорошо знал характер русских людей. Их следовало брать не силой, а обманом.

Допрос продолжался. Молоденькая радистка не отвечала на вопросы. Полицей решил, что она уже и не сможет заговорить. Он сказал об этом следователю гестаповцу, но тот отрицательно покачал головой. Склоняясь над искалеченным телом, Вендис монотонно повторял одни и те же вопросы, а другой — подручный гестаовец синхронно с вопросом бил молотком по ногам жертвы. Боль от ударов вызывала крики и стоны. Среди них полицей сумел уловить только одно слово “мама”. Старший гестаовец спросил:

— Что она говорит?

— Кажется, зовет свою мать.

Уставший палач грязно выругался и приказал отнести Лену в камеру. Было решено продолжить допрос на следующее утро, а вести его поручили знатоку русской души, как считали немцы, Вендису.

В тот прекрасный вечер во всех танцах партнером у Лены был Вертерас. Он танцевал превосходно, да и вообще являл собой милый романтический образ принца.

В перерыве между танцами, оставшись на время среди подружек, многие из которых приехали в Сибирь также по комсомольским путевкам, Лена с неприятным удивлением узнала, что ее кавалера в поселке прозвали полицаем. Почему полицаем? Скоро ее просветили: во время войны Вертерас служил у немцев в полиции. Однако, будучи самым простым, рядовым жандармом, он не совершил тяжких преступлений. Поэтому после освобождения Литвы его не расстреляли, а лишь осудили на длительный срок и сослали в Сибирь для отбытия наказания. Отсидев положенное, Вертерас не спешил возвращаться в Литву, остался жить в таежном поселке.

Молоденькую комсомолку обижало и возмущало прозвище ее загадочного партнера. “Полицай” — это больно резало слух, но как же хорошо он танцевал!

Теперь каждый субботний вечер, когда в клубе устраивались танцы, становился для Лены каким-то особенным, чарующим, но одновременно и пугающим. Все больше кружилась голова, но уже не только от вальсовых вращений...

С интересом и тревогой Лена думала о прошлом Вертераса. Впрямую задать вопрос она не решалась, и все же во время одного из перерывов между танцами не выдержала:

— Почему вы не уехали на родину?

Бывший полицай галантно поклонился и грустно улыбнулся, но сразу ничего не ответил. Лишь спустя несколько минут, когда начался очередной танец, он посмотрел на свою партнершу каким-то невидящим взглядом и произнес:

— Меня там никто не ждет, — а затем еще что-то тихонечко добавил не то по-литовски, не то по-немецки.

...Хотя Вендис был волевым человеком с жестким характером, но в ту ночь, после участия в допросе советской радистки, заснуть так и не смог. Ум полицая не мог найти ответы на вопросы, которые вновь стали терзать его после вечернего посещения гестапо. Пытаясь разобраться в изменяющемся миропорядке и странностях человеческих отношений, Вендис не жалел себя, все же полагая, что сделал правильный выбор, пойдя на службу к немцам. Они были ему несравненно ближе и понятнее, чем русские.

Еще в юные годы, отталкиваясь от исторических фактов и преданий, Вендис приобрел стойкое неприятие всего русского. Представители соседнего народа представлялись ему глупыми варварами. В дальнейшем, с прожитыми годами, с опытом взгляды менялись. Вендис считал, что русские люди во многом похожи на европейцев, но имеют присущее отсталым народам замедленное развитие. Эта установка устроила литовского националиста и стала главной в сознании до тех пор, пока ему в руки случайно не попала книга

одного известного историка и философа. В научном труде на основе исторических примеров обосновывался вывод, что из детей с запоздалым развитием часто вырастают гении... Спорить с фактами Венцису не позволила его объективная натура, но и принять такой вывод он тоже не мог. В результате русские, да и вообще советские люди остались для него неразрешимой загадкой.

Утром следующего дня пунктуальный полицаи точно по времени появился в местном гестапо. По его внешнему виду и поведению нельзя было сделать вывод о крайнем нежелании участвовать в дальнейшем допросе советской радистки. Минутное ожидание закончилось появлением заспанного гестаповца, который сообщил, что пленная умерла прошлой ночью. Истязатель зло шурился и ругал русскую девушку за слабость. Венцис тоже зло улыбнулся и подумал: "С такими методами вы обязательно проиграете войну".

Уже в самом конце танцевального вечера Вертерас в очень спокойном и доверительном тоне поинтересовался у своей партнерши:

— А вы, Лена, комсомолка?

— Конечно! Я приехала сюда по комсомольской путевке.

— А где вы работаете?

— В бухгалтерии автобазы.

По радиоузелу объявили об окончании танцев и пожелали спокойной ночи.

— Как жалко, что все уже закончилось. — Лена прощально помахала ладоншкой своему кавалеру. — До свидания.

— До следующей субботы. Лабанактис*.

Лена работала бухгалтером на поселковой автобазе. Транспортное предприятие обеспечивало доставку каменного угля, добываемого на двух местных шахтах, в близлежащие рабочие поселки. Иногда выполнялись и другие рейсы, вплоть до расположенного почти в трехстах километрах районного центра. Автобаза была единственной на значительной таежной территории. Работали здесь разные люди, в том числе и бывшие заключенные, причем политические. Бывших уголовников в поселке не было, даже на угольных шахтах.

Старожилы поселка рассказывали, что раньше постоянно происходили кровавые драки между эсками: уголовниками и политическими. После таких разборок оставались и раненые, и убитые. Непримиримая вражда между лагерными группировками основывалась на взаимной ненависти, которую не могли обуздать надзорные органы. И вот тогда было принято решение: бывших заключенных рассортировать. Теперь в тайге были поселки, где жили представители лишь одной из противоборствующих группировок...

На автобазе среди других политических сидельцев работал механиком Александр Линский. От прошлой жизни он получил много всего разного. Родился и вырос в Китае, в Харбине, в семье советского разведчика. Рано оставшись без отца, которого расстреляли японцы, Александр находился под присмотром и опекой органов советской разведки и уже в юные годы начал участвовать в ее делах.

В начале Великой Отечественной войны из-за какого-то досадного промаха молодой разведчик был арестован и оказался в японской тюрьме. О времени пребывания в азиатских застенках, об изуверских допросах и пытках он не любил рассказывать. И все же в компаниях иногда вспоминал, как многими часами держался на руках, чтобы спастись от прибывающей снизу воды. Японская пытка состояла в том, что тюремная камера заполнялась водой на все дневное время, причем лишь у самого потолка оставалось небольшое воздушное пространство, где могла поместиться только голова заключенного. Чтобы не захлебнуться, несчастный должен был подтягиваться на руках, ухватившись за специальную перекладину у потолка, и так висеть в течение дня. Если сил не хватало, наступал роковой финал. Не все заключенные выдерживали эту пытку.

В мучительном заточении Александр Линский пробыл почти до дня великой Победы. Но освободившись из японской тюрьмы, советский разведчик,

* Доброй ночи (лит.)

верой и правдой случившийся Отечеству, получил новый срок. Теперь уже от родной власти. Вот так и оказался он в Сибири.

Когда окончился срок десятилетней отсидки, ехать было Александру некуда. На всем белом свете не осталось ни одной родной души. Бывший разведчик освоил новую для себя специальность — автомеханика.

Скромный с виду, Александр тем не менее обладал мужским обаянием, его несравненная эрудиция была способна покорить собеседника. Он знал несколько иностранных языков. На работе выделялся трудолюбием и смекалкой, а уж в дружеских компаниях становился душой общества. Комсомолка Лена тоже попала под очарование Александра.

Но вообще-то два бывших ээка, Вертерас и Александр, при их внешней сдержанности были очень разными людьми. Бывший полицейский считался человеком волевым: “Этого надо добиться...” Александр больше доверял судьбе: “А, да ладно! Что будет, то и будет...”

В отношениях с Леной Александр был и заботлив, и учтив, и даже не по годам скромен. Прямо-таки идеальный мужчина, прекрасный спутник жизни... Но числился за ним существенный недостаток. Ленин ухажер не любил и не умел танцевать. Несмотря на все отчаянные попытки, Лена так и не сумела зажечь в нем любовь к танцам. Александр под разными предлогами отнекивался от субботних времяпровождений в клубе. И тут у Лены появился такой галантный партнер! Сердце Александра затрепетало от ревности:

— Ну и нашла ты себе кавалера! Полицая!

— При чем здесь полицейский? Я с ним просто танцую. Партнер он прекрасный. Выучился бы сам так...

И опять в субботний вечер венские вальсы кружили голову Лене. Вертерас, танцуя, иногда что-то напевал не по-русски.

— О чем вы поете? — спрашивала Лена.

— О любви, конечно. Но поэтические строки, Леночка, трудно перевести, — улыбался и отшучивался Вертерас.

Молоденькой комсомолке все это казалось необычайно романтичным. В очарованном сознании появлялись какие-то призрачные видения альпийских хребтов, старинных замков, роскошных танцевальных балов под аккомпанемент мелодий Штрауса и Легара.

...Уже слышался грохот канонады, предвещающий скорый приход советских войск в Прибалтику. Пора было задуматься о ближайшем будущем. Венцис решил не уходить с отступающими немецкими частями. Хватит, послужил нацистам! Но что теперь делать? Оставаться в Вильнюсе нельзя, высокопоставленного жандарма моментально арестуют и наверняка расстреляют. Нужно было скрыться под чужим именем где-нибудь в сельской местности. Может, в неразберихе и удастся проскочить сквозь сети чекистов?

Из известного жандармского руководителя Венцис превратился в обычного полицейского небольшого провинциального городка. Под новым именем он и был арестован. Получил полицейский лагерный срок, но не заслуженный расстрел.

В тот субботний вечер Вертерас был просто неотразим. Один вальс сменялся другим. Музыка и танцы пьянили Лену. Вертерас ни на шаг не отходил от нее даже во время перерывов. Он танцевал, казалось, с отчаянным иступлением. Лене даже почудилось, что нынешний вечер какой-то особенный и что-то должно произойти. Возможно, Вертерас готов поднести своей партнерше какой-то неожиданный подарок... Вместе с тем Лене становилось тревожно, ей даже хотелось сдерживать пыл иноземного ухажера.

Танцевальный вечер был в самом разгаре, когда у входа в зал появились двое незнакомых мужчин, не из поселка. С неброской внешностью, в темно-серых костюмах, они спокойно стояли по обе стороны от двери. Но смотрели они лишь на одного человека...

В какой-то момент Вертерас резко остановился во время танца, обмяк, даже как-то осел всем телом. Но уже в следующий момент снова собрался, гордо векинул голову.

— Я, Леночка, вынужден покинуть вас, — печально сказал он.

— Надолго?

— Похоже, что навсегда. Прощайте! Висо гяро*.

Твердой походкой Вертерас подошел к двери в зал, взглянул на незнакомцев.

— Я ждал вас, — тихо произнес он. И вышел.

Следом за ним вышли и двое сотрудников КГБ.

Сквозь сумерки, в свете слабых уличных фонарей Лена видела из окна клуба, как в сопровождении незнакомцев Вертерас подошел к легковой машине и сел в нее. Машина рванула в сторону районного центра. А Лена даже выбежала на крыльцо клуба.

— Простудишься, — услышала она рядом голос Александра.

— Ты что здесь делаешь? — удивилась Лена.

— Пришел учиться танцевать, — улыбнулся Александр.

Сердце Лены екнуло. “Конечно, это судьба”, — подумала она, протянув руку своему новому партнеру. А сама пристально смотрела в темную даль, куда нежданная машина унесла загадочного Вертераса.

По решению Верховного Суда Литовской ССР за организацию и проведение карательных операций, за участие в пытках и расстрелах советских граждан Венцис Венцисович Вискантас был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение. Об этом Лена узнала из газеты.

ВАЛЯ

РАССКАЗ

Это случилось в первые послевоенные годы на набережной обводного канала реки, название которой дало имя и самому городу. Тяжелое это было время. Разруха в стране, карточная система и почти поголовная безработица...

Дворовые подростки находили себе занятия по интересам. Тех, кто был постарше, нередко засасывала уголовная романтика, примитивная и бессовестная, но окрашенная не столь серо и однообразно, как окружающая действительность. Ну, а ребята лет десяти-двенадцати искали озорные и опасные игры, позволяющие показать себя бесстрашным ловкачом, выделиться среди сверстников.

В то время в моду вошли своеобразные забавы, связанные с грузовыми автомашинами. Отчаянные пацаны катались, прицепившись сзади кузова с помощью крючков, сделанных их толстой проволоки. Иногда можно было наблюдать целую цепочку ребят, уцепившихся друг за друга, первый из которых крючком, а то и просто руками изо всех сил держался за задний борт ехавшей машины. Мостовые города тогда убирались очень плохо, и по слежавшемуся снегу можно было скользить просто в валенках. Были и счастливые обладатели коньков, для которых такое катание за машинами было самым настоящим наслаждением. Крепились коньки в те годы тоже к валенкам, прикручивались они с помощью веревок. Опасными были эти забавы, но все же далеко не самыми опасными. Были игры и покруче...

Во дворе одного из домов, выходящего фасадом на набережную, ребятня устраивала экстремальные катания на санках. Преодолеваемая дистанция имела два очень крутых спуска, так что в отдельных местах скорость достигалась головокружительная — аж дух захватывало. Старт игрища располагался на крыше одного из сараев, которые в те годы десятками громоздились

* Всего хорошего (лит.)

в каждом дворе. К тому сараю вплотную подступала ледяная горка, за которой шел спуск на мостовую набережной. Промчавшиеся через нее санки попадали в большую дыру ограждения, а затем с грохотом падали на лед, покрывающий водную поверхность канала. Ух, и здорово, и опасно! Эта опасность больше всего была связана с ездившим по набережной транспортом. Весь фокус состоял в том, что нужно было успеть проскочить между постоянно снующими по мостовой машинами.

Конечно, не все решались испытывать свою судьбу таким способом, но все же трусливых мальчишек в нашем детстве было явное меньшинство. Признанным лидером ребячьей группировки двора был подросток лет двенадцати-тринадцати, которого все звали Тосиком. Могло показаться, что чувство страха являлось для него вообще чем-то непонятным. У Тосика был младший брат Вовчик, тоже предельно отчаянный парень.

Среди мальчишеской ватаги была и одна девочка по имени Валя. Озорная и бесстрашная, она резко выделялась среди ребят только одним: Валя была круглой отличницей. Ее учителя не могли нарадоваться на очень одаренную и прилежную ученицу. Но такой Валя была только в школе, а вот во дворе она мало чем уступала даже самому отъявленному двоечнику Тосику.

Как у большинства дворовых ребят, отец Вали погиб на фронте, а ее истощенная и измотанная тяжелой жизнью мама, несмотря на инвалидность, почти целыми сутками работала на машиностроительном заводе. Предоставленная самой себе девочка делила свое детство между школой и двором: и там, и здесь ей было интересно.

Во время проведения экстремальных саночных заездов у мостовой постоянно дежурил кто-то из ребят, он отвечал за “технику безопасности”. Он был обязан четко определить время начала спуска в зависимости от места нахождения и скорости приближающейся автомашины. Когда наступал подходящий момент, стартер поднимал руку вверх, мол, следует приготовиться. Затем он проводил отмашку и кричал:

— Давай! Пошел!

Под восторженные возгласы ребятни санки на большой скорости устремлялись вниз. Разные происшествия, конечно, бывали, но все, слава Богу, обходилось без тяжелых последствий.

Но вот однажды Валя действительно совершила экстремальный спуск... Дежуривший на мостовой парнишка ошибся, неправильно рассчитал скорость приближающейся пятитонки, и опрометчиво дал старт Валиному заезду:

— Давай!

Что произошло дальше, уже потом пытались посекундно восстановить в памяти все члены дворовой команды во главе с Тосиком. Отчаянно старались, спорили, но так и не могли ничего объяснить. Главное — Валя осталась целой и невредимой. Она на санках проскочила под машиной между ее передними и задними колесами. Это было безумное везение!

После этого чрезвычайного происшествия Валя стала кумиром всего подросткового населения набережной. От матери ей, конечно, досталось. Но это сущая ерунда по сравнению со всенабережной славой. Поистине — звезда...

Минули годы. Старый дом на набережной сломали. Его жильцы получили отдельные квартиры. Тех послевоенных пацанов закрутила, затянула уже другая — взрослая жизнь. Судьбы у них сложились по-разному, но почти все ребята оказались какими-то невезучими. Тосик из-за дурацкой пьяной драки попал в тюрьму, а потом потянулись у него и другие ходки. Вовчик погиб на военных учениях во время службы в армии. Некоторые из бывших членов дворовой команды попросту спились. Были и такие, которые получили в разных ситуациях, в том числе и на производстве, тяжелые травмы и стали инвалидами...

У Вали взрослая жизнь тоже не задалась. Умерла она очень рано.

— А какая умница была! — говорили про нее бывшие соседи. — Вот уж не повезло, так не повезло...

Возможно, любому человеку при его рождении свыше дается определенная доля везения, доза удачи, что ли. Одни расходуют ее равномерно в течение всей жизни, а другие, чаще всего натуры неординарные — все сразу, без остатка. Наверное, Валя израсходовала свой запас удачи еще в детстве, враз, в прославленном экстремальном спуске.